

«Земное» у Лермонтова — это прежде всего как бы синоним современного цивилизованного общества, в котором господствуют несправедливость, измена, клевета, а чистота и благородство осмеяны и поруганы. В его творчестве запечатлено сознание, потрясенное этическим несовершенством мира — зрелищем жизни,

Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

[1, т. IV, с. 209].

По словам П. Н. Сакулина, поэт, «казалось, принес землю на заклание небу. Небом он мерит землю, ангелами людей» [2, с. 10—11].

Однако «земное» связано для Лермонтова не только с торжеством зла, но и с безусловными нравственными ценностями — ощущением личностной свободы и полноты бытия, силой мыслей, страстей, напряжением воли, жадной познания и действия:

Взлелеянный на лоне вдохновенья
С деятельной и пылкой душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья

[1, т. I, с. 59].

Поэт не раз признается в своей любви к земле, в предпочтении небесному и вечному реальных земных «упоений» — радостей, страданий, страстей:

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю...

[1, т. I, с. 73]

Еще более сложным содержанием насыщена в лермонтовской поэзии образ «неба». «Небесное» выступает в ней прежде всего как антипод земного бытия в целом и в этом смысле обретает черты первоначального эдемского сада, потерянного рая. «Там, в пределах отдаленных, где душа должна блаженство пить» [1, т. I, с. 316], не ведомы земные грехи и пороки, но также — и земные страданья, волнения, страсти:

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном...

[1, т. I, с. 283].

Ср. в «Демоне»:

Им в грядущем нет желанья,
Им прошедшего не жаль.

[1, т. IV, с. 194].

Небо для Лермонтова — это ничем не возмущаемое «блаженство безгрешных духов под кущами райских садов» [1; т. I, с. 230], царство абсолютного покоя, идеального совершенства и ненарушимой гармонии, внутренне неизменное и словно бы застывшее в сладостном забытьи. В поэтической мифологии Лермонтова «небо», «рай» предстают родиной души, о